

ПРАВО НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ КАК СУБСТАНТИВНОЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Татьяна Владимировна Сахнова

доктор юридических наук, профессор,
заведующая Кафедрой гражданского процесса
Сибирского федерального университета
г. Красноярск, Россия
Тел.: + 7 905 971 40 05
E-mail: civil.law.process@gmail.com

Straipsnyje analizuojamas asmens teisės į teisminę gynybą kaip substanyvioios procesinės teisės turinys. Analizė atliekama remiantis teisės globalizacija pasaulyje ir dėl to vykstančia šios procesinės teisės ir viso civilinio proceso konstitucionalizacija, internacionalizacija ir materializacija. Taip pat analizuojama, kokį poveikį tarptautiniai procesai turi teisės į teisminę gynybą sąvokai ir nacionalinės civilinio proceso teisės turiniui.

Im Beitrag wird der Eröffnung der Ontologie des Rechts auf Gerichtsschutz – als substantives Prozessrechts – analysiert. Allgemeine Voraussetzung für diese Ansicht ist die Rechtsglobalisation in der sich wandelnden Welt und ihre Folge: Konstitutionalisierung, Internationalisierung und Materiellisierung des Zivilprozesses. Die Autorin erforscht die gegenständliche und prozessuale Substantivität des Rechts auf Gerichtsschutz – durch die Prozessmethodologie der Verwirklichung der allgemeinen anerkannten Rechtswerte in der horizontalen Harmonisierung des Zivilprozesses.

Обретение правом на судебную защиту статуса субстантивного процессуального права суть выражение трансформации онтологии судебной защиты через материализацию цивилистического процесса – в условиях глобализации меняющегося мира. Это – самый, пожалуй, наглядный пример современной парадигмы цивилистического процесса в действии, – если иметь в виду данное Платоном понимание парадигмы как соотношения между идеями (прообразами) вещей, имеющими собственное существование, и самими вещами¹.

Традиционно **субстантивное право противопоставлялось процессуальному праву** (субстантивное или процессуальное) – как право, регулирующее принципы социальной организации общества и выступающее «философским гидом» в конкретной правовой ситуации, – и право, служащее практическим целям жизнеобеспечения субстантивного права. Субстантивное право – сакрально и фундаментально, процессуальное право – практично². В XXI веке доктринальная традиция сохранилась: субстантивное и процессуальное характеризовались через категорию антиномии. Попытки «увязать» субстантивное и процессуальное в праве приводили к

¹ Ср.: Демидург создает все существующее, взирая на неизменно сущее как на первообраз (ПЛАТОН. Диалог «Тимей» [28 а, 37 с, d]: Перевод С. Аверинцева. ПЛАТОН. *Собр. соч. в 4-х томах*. Том 3. Москва, 1994).

² См., напр.: THURMAN, W. Arnold. The Role of Substantive Law and Procedure in the Legal Process. *Harvard Law Review*, 1932, Vol. XLV, № 4, p. 639, 643–644.

их «дихотомии» (субстанция процедурна, процедура субстантивна), – однако в любом из таких подходов субстантивное и процессуальное сохраняли свое противоположное значение, а их возможное «объединение» в одну конструкцию виделось – преимущественно – через конвергенцию³.

В условиях глобализации методология, основанная на противопоставлении (субстантивного и процессуального, национального и национального, национального и международного), становится неэффективной, повышая риски отрицательных эффектов глобализации (таких как конкуренция правовых систем, повышение значимости фактора цивилизационной идентичности, национальная реидеологизация права⁴). В процессе, в частности, такой подход ведет к вертикальной диверсификации, не приближая к сущностному решению проблем.

Новые «взаимоотношения» субстантивного и процессуального стали возможными, на наш взгляд, одновременно с осознанием значимости глобализации для развития процессуального права в контексте его современных тенденций (конституционализации, интернационализации и – в особенности – материализации).

Первые и очевидные проявления глобализации в процедурно-процессуальной сфере связывались с развитием международного коммерческого арбитража, принципов транснациональных процедур, субстантивных (на основе компромисса различных национальных правовых систем) методов урегулирования споров, в которых заинтересованы несколько государств⁵. Одна из первых попыток объединить субстантивное и процессуальное в одну правовую категорию «субстантивное процессуальное право» принадлежит проф. Херберту Кронке – как применимую к процедурным взаимоотношениям сторон между собой (характерно для арбитража)⁶. Одновременно он не предполагал такой – субстантивной – гармонизации процессуальных взаимоотношений сторон и суда, полагая основанными их на суверенном проявлении воли.

Тезис о **праве на судебную защиту как субстантивном процессуальном праве** впервые сформулирован нами при оценке пореформенного развития отечественного цивилистического процесса (его материализации в частности)⁷.

Последствия глобализации для цивилистического процесса проявляются не только в сфере межнационального (пространственного) правового общения. Не менее значимы они и для внутреннего, сущностного развития процессуального права. Понимание права на судебную защиту

³ См., напр.: MAIN, Thomas O. The Procedural Foundation of Substantive Law. *Washington University Law Review*, 2010, Vol. 87, p. 802, 812–816, 822.

⁴ О глобализации и ее рисках в геополитическом пространстве: Концепция внешней политики Российской Федерации: Утв. Президентом РФ 12 февраля 2013 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <www.kremlin.ru>.

⁵ Исследования в этой области многочисленны. См., напр.: KARRER, P. A. Internationalization of civil procedure – beyond the IBA Rules of evidence. *Revue de Droit Uniforme*, 2004, p. 893–897; KRAMER, X. E.; van RHEE, C. H. Civil Litigation in a Globalising World. Springer, 2012; Lex mercatoria: Allheilmittel? Rätsel? Chimäre? – in: Murakami/Marutschke/Riesenhuber (Hrsg). *Globalisierung und Recht: Beiträge Japans und Deutschlands zu einer internationalen Rechtsordnung im 21. Jahrhundert*. Berlin, 2007, S. 153–176; KRONKE, H. Internationale Schiedsverfahren nach der Reform. *RIW*, 1998, S. 257–265; KRONKE, H. The future of harmonization and formulating agencies: the role of UNIDROIT. *Foundations and perspectives of international trade law / Fletcher J., Misteils L. and Cremona M.* London, 2001. P. 59–66; PAIR, L.; FRANKENSTEIN, P. The new ICC Rule on consolidation: progress or change? *25 Emory Int'l L. Rev.*, 2011 (1061); SYMEONIDES, S. C. Rome II and Tort Conflicts: A Missed Opportunity. *56 American Journal of Comparative Law*, 2008, p. 1–46.

⁶ Развитие мысли можно увидеть в работах, посвященных различным аспектам международного арбитража, значении правил UNIDROIT, проблеме публичных интересов и культурной идентификации, принципам конфликта права. См., напр.: KRONKE, H. The future of harmonization <...>; KRONKE, H. Most Significant Relationship, Governmental Interest, Cultural Identity, Integration: “Rule” at Will and the Case for Principles of Conflict of Laws. *Revue de Droit Uniforme*, 2004, Vol. 3.

⁷ См.: САХНОВА, Т. В. ГПК РФ: долгий путь реформ. *Вестник гражданского процесса*, 2013, № 4, с. 31.

как субстантивного процессуального права – самый, думается, онтологически важный аспект глобализации процесса.

Исторически право на судебную защиту как самостоятельное правовое благо возникло и развивалось в национальном правовом пространстве. Юридический факт его возникновения связывался в XX веке, прежде всего, с конституционной закрепленностью данного права (см., напр., ст. 46 Конституции РФ). Международно-правовые акты, в том числе содержащие определенные требования к судебной защите, рассматривались в качестве общих законодательных ориентиров при национальном правотворчестве. Это, бесспорно, сыграло важную роль, однако не меняло понимания и методологии права на судебную защиту – как конституционного права, реализуемого посредством определенного процессуального механизма, устанавливаемого государством.

Ситуация становится иной в пореформенном развитии цивилистического процесса в XXI веке. Конституционализация, интернационализация и материализация процесса – как следствия глобализации правового пространства – заставляют по-новому взглянуть на определение природы права на судебную защиту – через методы его реализации.

Право на справедливое и публичное судебное разбирательство, осуществляемое в разумные сроки судом, созданным на основании закона, постулируемое ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, суть отражение сущностных свойств права на судебную защиту – как права на правосудие. Требования ст. 6 Конвенции аккумулируют в себе выработанные всей исторической традицией онтологические качества цивилистического процесса. Новое заключается в новом взгляде на методологию воплощения этих качеств – как международно признанных – в национальном процессе, национальном процессуальном механизме реализации права на судебную защиту. Об этом свидетельствует современная законодательная и правоприменительная национальная практика.

Не теряя своих национальных корней и содержания, право на судебную защиту стало общепризнанной гуманитарной ценностью. Создание правовых гарантий его жизнеспособности перестало быть сугубо национальным делом⁸. Вместе с тем, речь идет не о некоей «наднациональной» процедуре контроля, но – в первую очередь – о «горизонтальном» восприятии национальным механизмом судебной защиты общепризнанных международных принципов и требований в сфере судебной защиты. В этом можно увидеть исторически закономерный «виток» развития цивилистического процесса от частного к общему – и от общего к частному: выработанные национальным процессом ценности стали общепризнанными и требуют «обратного» воплощения уже в новом качестве⁹. Цивилистический процесс, понимаемый как право на судебную защиту в действии, имеет собственные, субстантивные, ценности, пренебрежение которыми дезавуирует правосудие и может стать предметным поводом к процессу по поводу защиты права на

⁸ Одно из очевидных практических свидетельств последних лет – Постановление КС РФ от 26 февраля 2010 года № 4-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 392 ГПК РФ <...>», в котором утверждается, что право на судебную защиту относится к основным неотчуждаемым правам и свободам человека (п. 2.2); права и свободы человека и гражданина, признанные Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, – это те же по своему существу права и свободы, что закреплены в Конституции РФ (абз. 2 п. 3.3). *СЗ РФ*, 2010, № 11, ст. 1255.

⁹ Общепризнанность онтологических ценностей цивилистического процесса не является заслугой новейшего времени. Исторически первым «супранациональным» (по выражению Р. Йеринга) стало римское право (оставаясь в своей сущности правом национальным). См., напр.: JHERING, R. *Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung*. 4 Bde. Leipzig, 1852–1865. Teil I. S. 80–85. Рецепция римского права в Средние века – первое свидетельство своеобразной глобализации в праве. Принципиально новое сегодня: изменились методы воплощения общепризнанного в национальном.

судебную защиту. Это – самое очевидное, **предметное проявление субстантивности права на судебную защиту**.

Обеспечение действенности права на судебную защиту в соответствии с правилами ст. 6 Конвенции возможно буквально – через процессуальную конструкцию правового спора и посредством использования инструментария цивилистического процесса (например, при нарушении разумного срока судопроизводства или разумного срока исполнения судебного акта возможно обращение в суд с требованием о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок – глава 22.1 ГПК РФ, глава 27.1 АПК РФ).

Нарушение субстантивной процедурной составляющей права на судебную защиту может стать поводом к процессу ввиду пересмотра вступившего в законную силу судебного постановления по такому новому обстоятельству, как установление ЕСПЧ нарушения положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении судом конкретного дела, в связи с принятием решения, по которому заявитель обращался в ЕСПЧ (п. 4 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ, п. 4 ч. 3 ст. 311 АПК РФ).

Процессуальная субстантивность права на судебную защиту демонстрируется всем механизмом его реализации в процессе.

Так, для обретения судебным решением необходимого свойства законности недостаточно следовать букве закона – в судебном решении должен быть выражен «дух» закона и права. Методология принятия решения должна отвечать общепризнанным ценностям. Минимально необходимое условие этого – точное уяснение онтологического содержания и смысла применяемой судом нормы права (и материального, и процессуального), – в том числе, с точки зрения общепризнанных правовых ценностей. Именно в этих целях, на наш взгляд, Верховный Суд РФ рекомендует при вынесении судебного решения учитывать не только постановления Конституционного Суда РФ (о толковании положений Конституции РФ, подлежащих применению в данном деле, о признании соответствующими или не соответствующими Конституции РФ нормативных правовых актов, на которых стороны основывают свои требования и возражения, и проверка конституционности которых входит в компетенцию КС РФ) и постановления Верховного Суда РФ (относительно толкования норм материального и процессуального права, подлежащих применению в данном деле), – но также постановления Европейского суда по правам человека, в которых дано толкование положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод, подлежащих применению в данном деле (п. 4 Постановления Пленума ВС РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении»¹⁰).

«Лакмусовой бумажкой» проявления элементов **субстанциализации права на судебную защиту становятся процессуальные способы его обеспечения – посредством проверки судебных постановлений в инстанционном порядке**. Отметим некоторые из наиболее наглядных.

Именно осознанием субстантивности права на судебную защиту вызваны, на наш взгляд, современные дискуссии относительно юридической квалификации и определения последствий воплощения (или несоблюдения) правила «дело должно быть рассмотрено судом, которому оно подсудно» при производстве в суде апелляционной инстанции. Как известно, суд апелляционной инстанции не вправе, отменив решение суда первой инстанции, направить дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции (см. ст. 328 ГПК РФ). Конституционный Суд РФ в 2010 году сделал вывод о том, что если, отменив решение суда первой инстанции по тем основаниям, что: а) суд рассмотрел дело в отсутствие не извещенных надлежащим образом заин-

¹⁰ *БВС РФ*, 2004, № 2.

тересованных лиц (о времени и месте судебного заседания) или б) разрешил вопрос о правах и обязанностях не привлеченных к участию в деле лиц, – апелляционный суд сам рассмотрит дело, не передавая его на рассмотрение суду первой инстанции, то тем самым будут нарушены правила подсудности – и дело будет рассмотрено не тем судом, которому оно подсудно¹¹. Эта правовая позиция КС РФ находит поддержку в доктрине¹². На наш взгляд, использовать позицию КС РФ о нарушении принципа рассмотрения дела по подсудности (ст. 47 Конституции РФ) для анализируемых ситуаций и в контексте ст. 327, 328, 330 действующего ГПК РФ некорректно и не соответствует заложенному в современном ГПК концепту апелляции (согласно ч. 5 ст. 330 ГПК, при наличии оснований, предусмотренных ч. 4 ст. 330, суд апелляционной инстанции «переворачивает дело» – без учета особенностей главы 39 ГПК). В принципе, можно было бы, наверное, исключить законодательную возможность переворота дела, допускаемую ч. 5 ст. 330 ГПК, – и направлять в таких случаях дело на новое рассмотрение. Это усилило бы «кассационный элемент» в апелляции, но вряд ли повысило бы эффективность судебной защиты. – Однако в настоящем анализе мы обращаем внимание на иное: значимость надлежащего организационно-процессуального порядка рассмотрения дела по существу для реализации права на судебную защиту – как права на справедливое судебное разбирательство, которое должно быть осуществлено компетентным на то судом. Другими словами: судебное постановление не может быть признано справедливым (то есть – правосудным), если оно постановлено не тем судом, к компетенции которого – в соответствии с законом – относится рассмотрение дела по существу. Положение о рассмотрении дела компетентным на то в силу закона судом суть выражение процессуальной субстантивности права на судебную защиту.

С этим же связана и проблема определения процессуальных последствий в случае, если суд первой инстанции рассмотрел неподсудное ему дело, на что было указано в апелляционной жалобе. Верховный Суд РФ допускает в такой ситуации, со ссылкой на ст. 47 Конституции РФ («никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом»), передачу дела в суд первой инстанции по подсудности – после отмены решения суда первой инстанции (п. 37 Постановления Пленума ВС РФ от 19 июня 2012 г. № 13 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции»¹³). По существу, Пленум ВС РФ обращает внимание на необходимость прямого применения Конституции РФ при отсутствии специального законодательного регулирования (ст. 330 ГПК не содержит такого основания к отмене как неподсудность).

Таким же образом Пленум ВС РФ рекомендует поступать в принципиально иной ситуации: если суд апелляционной инстанции придет к выводу, что принятое судом первой инстанции в предварительном судебном заседании решение об отказе в удовлетворении иска (заявления) по причине пропуска срока исковой давности или срока на обращение в суд является незаконным и/или необоснованным, апелляционный суд отменяет решение и направляет его в суд первой инстанции для рассмотрения по существу. Аргумент ВС РФ: поскольку решение вынесено в предварительном судебном заседании без исследования и установления всех вопросов факта, то и рассмотрения по существу не было, а, значит, не может быть и повторного – в смысле абз.

¹¹ См.: По делу о проверке конституционности части первой статьи 320, части второй статьи 327 и статьи 328 ГПК РФ <...>: Пост. КС РФ от 21 апреля 2010 г. № 10-П. *СЗ РФ*, 2010, № 19, ст. 2357. В данном Постановлении речь шла о проверке конституционности положений ст. 327, 328 ГПК РФ в редакции 2002 г.

¹² См., напр.: БОРИСОВА, Е. А. *Апелляция, кассация, надзор по гражданским делам*: Учеб. пособие. Москва: Норма, 2013, с. 218–219; ЛЕСНИЦКАЯ, Л. Ф. *Апелляционное производство по гражданским делам в системе судов общей юрисдикции* [Подготовлено для системы КонсультантПлюс, 2011].

¹³ *БВС РФ*, 2012, № 9.

2 ч. 1 ст. 327 ГПК – рассмотрения в апелляционном порядке (см. п. 38 Постановления от 19 июня 2012 г. № 13). – Подход представляется несколько казуистичным и противоречащим догме закона. Как известно, действующий ГПК допускает в некоторых случаях возможность «перевершения» дела судом апелляционной инстанции по правилам производства в суде первой инстанции (ч. 5 ст. 330 ГПК) – и, соответственно, данную проблему – с точки зрения существующего законодательного концепта – корректнее было бы решать через призму такого подхода (например, расширив перечень оснований для «перевершения» дела судом апелляционной инстанции). Вместе с тем, на наш взгляд, бесспорна различная сущность решения, постановляемого судом в порядке ч. 6 ст. 152 ГПК, – и решения, выносимого в «развернутой» процессуальной форме¹⁴. Эти различия очевидны в соотношении предмета, объекта, методов принятия названных судебных постановлений. Однако проблема не решаема толкованием – требуется законодательная дифференциация одновременно и судебных процедур, и судебных постановлений, их оканчивающих. Современное законодательство Российской Федерации подобной процессуальной дифференциации судебных решений не устанавливает.

Проверяя законность судебного постановления, суд апелляционной инстанции также должен учитывать, что неправильное применение судом общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ может являться основанием к отмене или изменению судебного акта. Неправильное применение нормы международного права может иметь место в случаях, когда судом не была применена норма международного права, подлежащая применению, или, напротив, суд применил норму международного права, которая не подлежала применению, либо когда судом было дано неправильное толкование нормы международного права (п. 9 Постановления Пленума ВС РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации»¹⁵).

Сущностной значимостью для правосудия процессуальных гарантий (в том числе такой, как право быть извещенным о времени и месте судебного заседания) порождены дискуссии относительно правила ч. 2 ст. 333 ГПК РФ, согласно которому частная жалоба (представление) на определение суда первой инстанции рассматриваются **без извещения** участвующих в деле лиц (за исключением определений о приостановлении производства по делу, о прекращении производства по делу, об оставлении заявления без рассмотрения). Это правило было предметом конституционной проверки – и Конституционный Суд РФ признал его не противоречащим Конституции РФ¹⁶. Пленум ВС РФ постарался смягчить ситуацию, справедливо указав, что в

¹⁴ Обоснование см., напр.: САХНОВА, Т. В. *Курс гражданского процесса: теоретические начала и основные институты*. Москва: Волтерс Клувер, 2008, с. 415–416.

¹⁵ *ВС РФ*, 2003, № 12.

¹⁶ В частности, КС РФ признал ч. 2 ст. 333 ГПК не противоречащей Конституции РФ, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования эти положения предполагают: право участвующих в деле лиц быть извещенными о факте подачи частной жалобы и ознакомленными с содержанием частной жалобы, а также имеющими право направить суду свое мнение в письменном виде (если частная жалоба рассматривается *без судебного слушания*); извещение участвующих в деле лиц о времени и месте судебного заседания, если суд апелляционной инстанции – с учетом сложности процессуального вопроса, доводов частной жалобы – приходит к выводу о необходимости предоставить участвующим в деле лицам возможность донести до суда второй инстанции свою позицию устно (см.: По делу о проверке конституционности положений части пятой статьи 244.6 и части второй статьи 333 ГПК РФ <...>: Пост. КС РФ от 30 ноября 2012 г. № 29-П. *СЗ РФ*, 2012, № 51, ст. 7323).

Однако ГПК РФ не знает таких категорий и процедур, как «рассмотрение в судебном слушании», «рассмотрение без судебного слушания». Рассмотрение в суде апелляционной инстанции осуществляется в форме судебного заседания – в том числе и частной жалобы. Глава 39 ГПК никаких особенностей на этот счет не устанавливает.

любом случае рассмотрение частной жалобы происходит в судебном заседании, с обязательным ведением протокола по правилам главы 21 ГПК. Более того, рекомендуется копию сопроводительного письма о направлении судом первой инстанции частной жалобы (представления) в суд апелляционной инстанции направлять участвующим в деле лицам – хотя и с указанием, что рассмотрение частной жалобы (представления) происходит в судебном заседании суда апелляционной инстанции без извещения и вызова лиц, участвующих в деле (п. 48 Постановления Пленума ВС РФ от 19 июня 2012 г. № 13). Выходя за пределы толкования нормы закона, ВС РФ полагает, что с учетом характера и сложности решаемого процессуального вопроса суд апелляционной инстанции вправе по своей инициативе вызвать участвующих в деле лиц в судебное заседание. – По справедливому суждению проф. Г. А. Жилина извещение в системе действующего процессуального регулирования участвующих в деле лиц о времени и месте судебного заседания (в общем для субъектов апелляционного производства порядке) препятствует реализации прав, предоставленных этим лицам ГПК РФ, неправомерно ограничивает процессуальные гарантии реализации права на судебную защиту; соответственно, ч. 5 ст. 244.6 и ч. 2 ст. 333 ГПК следовало признать не соответствующими Конституции РФ¹⁷. На наш взгляд, ограничение процессуальных гарантий, свойственных процессуальной форме апелляционного производства (хотя и с учетом особенностей главы 39 ГПК), неоправданно, не соответствует общим нормам ГПК РФ, определяющим правовой статус участвующих в деле лиц. Полагаем, в ситуации, описываемой ст. 333 ГПК РФ, важно учитывать наличие/отсутствие волеизъявления заявителя на участие в судебном заседании. Данный аспект, бесспорно, требует законодательного решения.

Наконец, для всех видов проверки судебных постановлений актуальна проблема пределов проверки – в частности, возможность выхода суда проверочной инстанции за пределы доводов жалобы «в интересах законности» посредством полномочия *ex officio* (см. абз. 2 ч. 2 ст. 327.1, абз. 1 ч. 2 ст. 390, ч. 2 ст. 391.12 ГПК РФ). Для реализации права на судебную защиту как субстантивного процессуального права важно, чтобы вскрываемое судом проверочной инстанции нарушение, допущенное при рассмотрении дела судом предшествующей инстанции, было связано с ненадлежащим осуществлением судебной защиты прав, свобод и законных интересов заинтересованных лиц. Объективного нарушения закона, если от этого не страдают права и свободы заинтересованных лиц, недостаточно, чтобы стать основанием к отмене постановленного судебного решения вышестоящим судом в порядке ординарной проверки. При ином подходе следует говорить не о судебной деятельности суда проверочной инстанции – но о деятельности сугубо охранительной, публично-правовой – и по предмету, и по методу, и по объекту. «Интересы законности», как они истолкованы Верховным Судом РФ в абзаце 3 п. 24 Постановления Пленума ВС РФ от 19 июня 2012 г. № 13, демонстрируют, на наш взгляд, именно такой подход.

Идеей субстанционализации права на судебную защиту пронизано основание к отмене (изменению) судебных постановлений в порядке надзора, устанавливаемое п. 1 ч. 1 ст. 391.9 ГПК, именно: если обжалуемое судебное постановление нарушает права и свободы человека и гражданина, гарантированные Конституцией РФ, общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами РФ. В этом основании заложен частноправовой критерий, обеспечивающий реализацию права на судебную защиту как субстантивного процессуального права.

Наконец, вся концепция новых обстоятельств (в производстве по пересмотру по вновь открывшимся или новым обстоятельствам судебных постановлений, вступивших в законную

¹⁷ См.: Особое мнение Судьи Конституционного Суда РФ Г. А. Жилина (относительно Постановления КС РФ от 30 ноября 2012 г. № 29-П). *СЗ РФ*, 2012, № 51, ст. 7323.

силу; глава 42 ГПК РФ; глава 37 АПК РФ) выстроена как реализация идеи процессуальной *restitutio in integrum* – для устранения последствий нарушения субстантивной процедурной составляющей права на судебную защиту¹⁸.

Мы привели лишь некоторые, наиболее, на наш взгляд, очевидные свидетельства «материализации» процессуального права. Сущностные ценности цивилистического процесса обретают «предметное» значение при реализации права на судебную защиту в процессуальных отношениях.

Процессуальное право перестает быть правом «формальным»; противопоставление субстантивного и процессуального уже не актуально; субстантивность процессуального обретает зримый законодательный и правоприменительный облик.

Вместе с тем, субстанционализация права на судебную защиту вовсе не снижает ценности и практической значимости национальной процессуальной формы – напротив, ее роль возрастает, а функции усложняются. Это может быть продемонстрировано проблемой обеспечения действенности общепризнанных принципов и норм международного права в процессуальных отношениях. Реалии последних лет свидетельствуют: эффективная методология воплощения общепризнанных ценностей кроется не в вертикали и иерархии (концепция «наднациональности»), но в горизонтالي развития как межнациональных, так и национальных процедур. Об этом свидетельствует многолетняя (начиная с 1998 года) практика Конституционного Суда РФ, отстаивающего процессуальную «предметность» справедливости как имманентного свойства правосудия. В том же направлении формулируются правовые позиции Верховным Судом РФ¹⁹.

В частности, значимым с этой точки зрения – и коррелирующим правовой позиции Конституционного Суда РФ, выраженной в Постановлении от 26 февраля 2010 года № 4-П (п. 2.2, абз. 2 п. 3.3), – является положение о том, что правовые позиции ЕСПЧ учитываются при применении законодательства Российской Федерации, а содержание прав и свобод, предусмотренных законодательством Российской Федерации, должно определяться с учетом содержания **аналогичных** прав и свобод, раскрываемых Европейским Судом при применении Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней (п. 3 Постановления Пленума ВС РФ от 27 июня 2013 г. № 21).

При уяснении содержания применяемых норм и процессуальных гарантий судебной защиты суд должен стремиться к высокому идеалу справедливости – и потому обязан следовать правилам, содержащим более высокий стандарт процессуальных гарантий права на судебную защиту – независимо от формальной иерархии нормативных правовых актов. Именно поэтому, если законодательством Российской Федерации предусматривается более высокий уровень защиты прав и свобод человека (в сравнении со стандартами, гарантируемыми Конвенцией и Протоколами к ней в толковании ЕСПЧ), суд, руководствуясь ст. 53 Конвенции, применяет положения национального законодательства Российской Федерации (абз. 2 п. 3 Постановления Пленума ВС РФ от 27 июня 2013 г. № 21).

¹⁸ Однако концепция, заложенная в законодательной конструкции, страдает, по нашей оценке, онтологической противоречивостью. См. авторский анализ: САХНОВА, Т. В. Пересмотр по вновь открывшимся или новым обстоятельствам судебных постановлений, вступивших в законную силу: о сущности и законодательных противоречиях. *Вестник гражданского процесса*, 2014, № 1.

¹⁹ См.: О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации: Пост. Пленума ВС РФ от 10 октября 2003 г. № 5 (в ред. Пост. Пленума от 5 марта 2013 г. № 4). *БВС РФ*, 2003, № 12; 2013. № 3; О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней: Пост. Пленума ВС РФ от 27 июня 2013 г. № 21. *БВС РФ*, 2013, № 8.

Идеал справедливости – при реализации права на судебную защиту – выступает коррелятом баланса взаимных интересов не только спорящих сторон, но частноправовых и публично-правовых интересов в целом. С этих позиций должны решаться и вопросы об ограничении процессуальных прав или гарантий (в допускаемых законом пределах и формах) в каждом конкретном случае (например, при применении мер процессуальной ответственности, реализации институтов отложения судебного разбирательства, отсрочки исполнения судебного постановления).

Горизонтальная гармонизация процесса и обеспечение действенности права на судебную защиту как субстантивного процессуального права – взаимовлияющие факторы современного развития процессуального пространства.

Субстанционализация права на судебную защиту предполагает дальнейшее развитие частноправовых методов в цивилистическом процессе – и не только для усиления «примирительного» начала (развитие примирительных и согласительных процедур). Для будущего процессуальной формы принципиально важным полагаем формирование нового типа взаимоотношений в системе «стороны-суд», которые бы строились не на контр-положении сторон и суда, а на их взаимодействии в процессуальном пространстве. Теория процессуальных соглашений могла бы сыграть в этом ведущую роль. Процессуальные соглашения не только между сторонами (например, о подсудности), но между судом и сторонами могут стать эффективным инструментарием «творения» процесса, ведущегося «здесь и сейчас», определяя его процессуальную «предметность». Например, предметом подобных соглашений могут быть и процессуальные сроки (такой опыт имеется в романских странах), и отдельные процедуры, используемые «внутри» процессуальной формы (допустим, электронные или связанные с применением систем видеоконференц-связи для обеспечения участия в судебном заседании заинтересованных лиц – в настоящее время по ст. 155.1 ГПК это возможно как по ходатайству сторон, третьих лиц, их представителей, свидетелей, экспертов, переводчиков, так и по инициативе суда).

Процессуальные соглашения – шаг в направлении создания нового алгоритма правосудия, соответствующего субстанционализации процессуального права. Под этим углом зрения могут быть рассмотрены проблемы дифференциации и процедурного взаимодействия различных судебных процедур, судебных и несудебных процедур – при осуществлении как собственно функций защиты различными юрисдикционными способами (государственными и негосударственными), так и иных процедурных способов урегулирования правовых конфликтов.

Восприятие цивилистическим процессом общепризнанных ценностей в сфере судебной защиты ведет не к утрате, но новому качеству его «национального лица». Глобализация в праве означает не отказ от выработанных национальным правом ценностей и создание некоей новой формальной парадигмы, но аккумуляцию наиболее значимых ценностей в категориях всеобщего и общепризнанного. Как показывает опыт XXI века, процессы глобализации в праве влекут не нивелирование «частного» и национального (в пользу «общего» и формального), – но онтологическое обогащение и более сложную «внутреннюю» организацию процессуального пространства – с целью сделать защиту и обеспечение прав, свобод и законных интересов более удобными и эффективными. Решение этой диалектической дилеммы в наибольшей степени характеризует путь и суть становления права на судебную защиту как субстантивного процессуального права.

ЛИТЕРАТУРА

Нормативные акты

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и № 7-ФКЗ).
 2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. *СЗ РФ*, 2001, № 2, ст. 163.
 3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (от 14 ноября 2002 г., с последующими изменениями).
 4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (от 24 июля 2002 г., с последующими изменениями).
- Концепция внешней политики Российской Федерации: Утв. Президентом РФ 12 февраля 2013 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <www.kremlin.ru>.

Постановления Конституционного Суда Российской Федерации,

Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации

1. По делу о проверке конституционности части второй статьи 392 ГПК РФ <...>: Пост. КС РФ от 26 февраля 2010 г. № 4-П. *СЗ РФ*, 2010, № 11, ст. 1255.
2. По делу о проверке конституционности части первой статьи 320, части второй статьи 327 и статьи 328 ГПК РФ <...>: Пост. КС РФ от 21 апреля 2010 г. № 10-П. *СЗ РФ*, 2010, № 19, ст. 2357.
3. По делу о проверке конституционности положений части пятой статьи 244.6 и части второй статьи 333 ГПК РФ <...>: Пост. КС РФ от 30 ноября 2012 г. № 29-П. *СЗ РФ*, 2012, № 51, ст. 7323.
4. Особое мнение Судьи Конституционного Суда РФ Г. А. Жилина (относительно Постановления КС РФ от 30 ноября 2012 г. № 29-П). *СЗ РФ*, 2012, № 51, ст. 7323.
5. О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации: Пост. Пленума ВС РФ от 10 октября 2003 г. № 5 (в ред. Пост. Пленума от 5 марта 2013 г. № 4). *БВС РФ*, 2003, № 12; 2013. № 3.
6. О судебном решении: Пост. Пленума ВС РФ от 19 декабря 2003 г. № 23. *БВС РФ*, 2004, № 2.
7. О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции: Пост. Пленума ВС РФ от 19 июня 2012 г. № 13. *БВС РФ*, 2012, № 9.
8. О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней: Пост. Пленума ВС РФ от 27 июня 2013 г. № 21. *БВС РФ*, 2013, № 8.

Специальная литература

1. БОРИСОВА, Е. А. *Апелляция, кассация, надзор по гражданским делам*: Учеб. пособие. Москва: Норма, 2013.
2. ЛЕСНИЦКАЯ, Л. Ф. *Апелляционное производство по гражданским делам в системе судов общей юрисдикции* [Подготовлено для системы КонсультантПлюс, 2011].
3. ПЛАТОН. Диалог «Тимей» [28 а, 37 с, d]: Перевод С. Аверинцева. ПЛАТОН. *Собр. соч. в 4-х томах*. Том 3. Москва, 1994.
4. САХНОВА, Т. В. *Курс гражданского процесса: теоретические начала и основные институты*. Москва: Волтерс Клувер, 2008.
5. САХНОВА, Т. В. ГПК РФ: долгий путь реформ. *Вестник гражданского процесса*, 2013, № 4.
6. САХНОВА, Т. В. Пересмотр по вновь открывшимся или новым обстоятельствам судебных постановлений, вступивших в законную силу: о сущности и законодательных противоречиях. *Вестник гражданского процесса*, 2014, № 1.
7. JHERING, R. *Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung*. 4 Bde. Leipzig, 1852–1865. Teil I.
8. KARRER, P. A. Internationalization of civil procedure – beyond the IBA Rules of evidence. *Revue de Droit Uniforme*, 2004.
9. KRAMER, X. E.; van RHEE, C. H. *Civil Litigation in a Globalising World*. Springer, 2012.
10. KRONKE, H. Internationale Schiedsverfahren nach der Reform. *RiW*, 1998.
11. KRONKE, H. The future of harmonization and formulating agencies: the role of UNIDROIT. *Foundations and perspectives of international trade law* / Fletcher J., Misteils L. and Cremona M. London, 2001.
12. KRONKE, H. Most Significant Relationship, Governmental Interest, Cultural Identity, Integration: “Rule” at Will and the Case for Principles of Conflict of Laws. *Revue de Droit Uniforme*, 2004, Vol. 3.
13. Lex mercatoria: Allheilmittel? Rätsel? Chimäre? – in: Murakami/Marutschke/Riesenhuber (Hrsg). *Globalisierung und Recht: Beiträge Japans und Deutschlands zu einer internationalen Rechtsordnung im 21. Jahrhundert*. Berlin, 2007.

14. MAIN, Thomas O. The Procedural Foundation of Substantive Law. *Washington University Law Review*, 2010, Vol. 87.
15. PAIR, L.; FRANKENSTEIN, P. The new ICC Rule on consolidation: progress or change? *25 Emory Int'l L. Rev.*, 2011.
16. SYMEONIDES, S. C. Rome II and Tort Conflicts: A Missed Opportunity. *56 American Journal of Comparative Law*, 2008.
17. THURMAN, W. Arnold. The Role of Substantive Law and Procedure in the Legal Process. *Harvard Law Review*, 1932, Vol. XLV, № 4.

RECHT AUF GERICHTSSCHUTZ ALS SUBSTANTIVES PROZESSRECHT IN DER GLOBALISIERUNGSWELT

Tatyana Sachnova

Z u s a m m e n f a s s u n g

In der gegenwärtigen sich wandelnden Welt entwickelte sich das Recht auf Gerichtsschutz zum substantiven Prozessrecht. Das ist anschauliches Beispiel der gegenwärtigen Paradeigma des Zivilprozesses in der Wirksamkeit und es charakterisiert gleichzeitig die Folge der Rechtsglobalisation im Zivilprozessraum. Substantive und Prozessuale sind nicht die Gegenteile, aber die Wechselwirkungen Bestandteile. Die Substantivkeit des Rechts auf Gerichtsschutz ist durch die gegenständliche und prozessuale Entwicklung der Methodologie der Verwirklichung dieses Rechts im nationalen Prozessraum demonstriert. Das Recht auf gerechteste und öffentliche Gerichtsverhandlung in der vernünftigen Friste vom zuständigen Gericht (Art. 6 der EuMRK) charakterisiert allgemeine anerkannte Rechtswerte, die die horizontale Verwirklichung in der nationalen Prozessbeziehungen fordern.

Anschauliche Erscheinungen der gegenständlichen Substantivität des Rechts auf Gerichtsschutz sind durch die Gegenständigkeit des Gerichtsschutzverfahrens dieses Rechts sichtbar. Zum Beispiel: zivilgerichtliches Kompensationsverfahren für die Verletzung des Rechts auf Gerichtsverhandlung in der vernünftigen Friste; Revision der rechtskräftige Gerichtsentscheidung infolge der Feststellung vom EuGMR der EuMRK-Verletzungen. Außerdem ist prozessuale Substantivität des Rechts auf Gerichtsschutz allen seinen prozessualen Verwirklichungsmechanismus demonstriert. Markanten Zeugnisse: die Deutung vom Gericht angewendeten Rechtsnormen vom EuMRK-Standpunkt und von EuGMR-Erklärungen; das Folgebestimmungsproblem der Verwirklichung (oder der Verletzung) der Zuständigkeitsgerichtsregel im Appellationsverfahren; das Problem der prozessualen Garantien und ihre Bedeutung für die „gegenständliche“ Verwirklichung des Rechts auf Gerichtsschutz (darunter die Benachrichtigung von Terminen des Beschwerdeverfahrens); prozessuale Probleme *restitutio in integrum* usw.

Das Recht auf Gerichtsschutz als substantives Prozessrecht setzt horizontale (nicht vertikale!) Entwicklung der Zivilprozessontologie voraus.

TEISĖ Į TEISMINĖ GYNYBĄ KAIP SUBSTANTYVINĖ PROCESINĖ TEISĖ GLOBALIZACIJOS SĄLYGOMIS

Tatjana Sachnova

S a n t r a u k a

Šiuolaikiniame intensyviai besikeičiančiame pasaulyje keičiasi ir teisės į teisminę gynybą principo turinys. Šio principo turinio pokyčiai, nulemti pirmiausiai EŽTT formuojamos praktikos, puikiai rodo teisės globalizacijos įtaką civilinio proceso turiniui. Substantyviškumas ir procesas – tai nėra viena kitai prieštaraujančios sąvokos. Greičiau, atvirkščiai, – tai viena kitos turiniui turinčios įtakos sąvokos. Teisės į teisminę gynybą, kaip fundamentalaus teisės principo, aiškinimas tiesiogiai daro įtaką ir konkrečių procesinių teisės normų turiniui ir jų aiškinimui (pvz.: Rusijos Federacijos Konstitucinis bei Aukščiausiasis teismas būtent per šio principo prizmę aiškino teismo teisę nagrinėti atskirąjį skundą nepranešus apie tai byloje dalyvaujantiems asmenims arba draudimą tam tikrais atvejais apeliacinės instancijos teismui panaikinus pirmosios instancijos teismo sprendimą perduoti bylą iš naujo nagrinėti pirmosios instancijos teismui). Straipsnyje įrodoma, kad dėl civilinio proceso globalizacijos pasaulyje nacionaliniu lygmeniu į šią teisės šaką nustota žvelgti tik kaip į techninę, skirtą ginčo nagrinėjimo mechanizmo suteikimui. Atvirkščiai, šiandieną neįsivaizduojama, kad civilinio proceso teisės normų turinys galėtų būti aiškinamas atsietai nuo pagrindinių teisinės valstybės principų ir žmogaus teisių, įtvirtintų EŽTK. Būtent dėl šios priežasties šiandien atrodo savaime suprantama būtinybė pagrindžiant teismų sprendimus naudotis ir EŽTT doktrina bei formuojama praktika.

Įteikta 2014 m. sausio 30 d.

Priimta publikuoti 2014 m. vasario 19 d.